

Управление культуры и архивного дела Тамбовской области

**Тамбовское областное государственное учреждение
«Центр документации новейшей истории Тамбовской области»**

**ТАМБОВСКАЯ ОБЛАСТЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 гг.**

**Тамбов
2008**

Редакционная коллегия:

*В.Л. Дьячков, кандидат исторических наук,
доцент ТГУ им. Г.Р. Державина (ответственный редактор),
М.М. Дорошина, зав. отделом использования и публикации документов ТОГУ «ЦДНИТО»,
И.П. Журавлев, первый заместитель начальника управления культуры
и архивного дела Тамбовской области,
И.И. Муравьева, старший научный сотрудник ТОГУ «ЦДНИТО»,
Л.В. Провалова, директор ТОГУ «ЦДНИТО»,
С.А. Чеботарев, кандидат исторических наук, начальник управления культуры
и архивного дела Тамбовской области*

Составители:

*М.М. Дорошина (ответственный составитель),
В.Л. Дьячков, И.И. Муравьева*

В выявлении документов принимали участие:

*М.М. Дорошина, И.И. Муравьева,
З.Н. Ансимова, В.С. Березина, Т.Н. Самгина*

Компьютерная обработка фотоиллюстраций: А.Б. Григорьев

Рецензенты:

*А.Л. Аврех, кандидат исторических наук, профессор,
зав. кафедрой отечественной истории ТГУ им. Г.Р. Державина,
А.А. Данилов, доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой истории МПГУ, заслуженный деятель науки РФ,
Н.М. Ильичев, доктор философских наук, профессор Тамбовского высшего военного
авиационного инженерного училища радиоэлектроники,
заслуженный деятель культуры Латвийской ССР,
В.В. Канищев, доктор исторических наук, профессор ТГУ им. Г.Р. Державина,
Г.А. Куманев, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра военной
истории России Института российской истории РАН, академик РАЕН,
академик Академии военных наук РФ,
Л.Г. Протасов, доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой российской истории ТГУ им. Г.Р. Державина,
Архивный отдел Тверской области,
Государственный архив Брянской области,
Управление по делам архивов администрации Орловской области*

Тамбовская область в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Сборник документов. Т. 2 / Под ред. В.Л. Дьячкова. Составители: М.М. Дорошина (ответ. составитель), В.Л. Дьячков, И.И. Муравьева. – Тамбов, 2008. – с.

Сборник представляет своего рода документальную энциклопедию жизни Тамбовской области в период Великой Отечественной войны. Основная задача редакционной коллегии и составителей – читатель, краевед-любитель, профессиональный историк, раскрыв издание, должен получить полную и точную информацию по вопросам жизни населения области в годы войны, в их реальных взаимосвязях и развитии. В основу сборника положен проблемно-хронологический подход, который позволяет с наименьшими потерями в адекватности отражения исторического процесса выделить все главные линии жизни региона от предвоенной «экспозиции» через годы войны к первым послевоенным месяцам.

Второй том издания включает четыре тематических раздела («Органы государственной власти, их структура и деятельность», «Социально-демографическое развитие», «Культура», «Быт и настроения различных слоев и групп общества»), в которых представлено 756 документов из фондов Центра документации новейшей истории Тамбовской области, Государственного архива Тамбовской области, Тамбовского областного краеведческого музея, архива УФСБ по Тамбовской области, музея истории милиции УВД по Тамбовской области, музея истории медицины Тамбовской области, личных архивов В.Л.

Дьячкова и В. и Т. Черменских. Значительное количество документов ранее имели грифы «секретно», «совершенно секретно» и находились на закрытом режиме хранения.

Сборник снабжен введением, текстуальными примечаниями и комментариями по содержанию, именным и географическим указателями, списком сокращений, перечнями использованных архивных фондов, публикуемых документов, фотоиллюстрациями.

ВВЕДЕНИЕ

Во введении к первому тому данного издания мы говорили о методологическом ключе, в котором выполнен наш сборник документов. Вновь подчеркнем – строго следуя принципу историзма, мы рассматриваем Великую Отечественную войну как важнейший формирующий этап отечественной и мировой истории. По жанру и второй том сборника представляет документальную энциклопедию, в которой по документам и комментариям к ним все главные линии, сферы жизни области прослежены через войну от предвоенной экспозиции до первого послевоенного года включительно. Но если в разделах первого тома характер документальной энциклопедии выдержан полностью, то во втором томе составителям пришлось изредка изменять ему в сторону подборки документов по принципу хрестоматии, антологии. Причины данных небольших вынужденных отступлений – особенности документального отражения некоторых сторон жизни области в войну, наличие и доступность документов во всей их полноте и, увы, неизбежные издательские ограничения объема сборника. Поэтому черты хрестоматии проникли в разделы и подразделы, посвященные работе органов госбезопасности, быту и настроениям различных групп и слоев общества. Представляется, что это не снижает информационной и научной ценности нашего издания, по крайней мере, составители старались не допустить какого-либо повреждения методологического качества отдельных разделов второго тома.

На завершающем этапе подготовки к изданию данного тома нам пришлось пойти на одно существенное изменение его структуры и содержания. Причина тому – превышение издательских (типографских) возможностей объемом необходимых к публикации документов, комментариев к ним, иллюстраций и научно-справочного аппарата для обоих томов. Не желая по уже выявленным и отобранным документам менять методологический ключ сборника, редакция приняла решение вынести разделы «Боевая работа тамбовцев», «Армейский быт, психология и настроения военнослужащих» в отдельное издание с самостоятельными комментариями, иллюстрациями и научно-справочным аппаратом. Подготовка этого издания состоится в течение 2009 г., к 65-летию Победы. Такое решение вынужденное и продиктовано, прежде всего, стремлением максимально полно отразить Великую Отечественную войну в тамбовских реалиях, достойно представить трудовой и боевой подвиг наших земляков. Вместе с тем, подобный вариант издания нашего сборника имеет логическое оправдание и преимущества всестороннего и полного показа как работы области, жизни ее людей в войну, так и того, как эта жизнь и работа отозвалась на фронте, как тыл и фронт спаялись в общем порыве к Победе.

В предисловиях, помещенных в первом томе, достаточно подробно освещены принципы составления, структура данного сборника и принципы обработки публикуемых в нем документов. Также в историческом предисловии к первому тому кратко охарактеризованы те стороны жизни области в войну, документы по которым помещены в нем, а также по логической необходимости – некоторые разделы военной истории нашего края, представленные в последующих книгах (демографическое развитие, боевая работа тамбовцев и частично кадры власти). Поэтому мы продолжим данное предисловие в виде научно-исторического путеводителя, «инструкции пользователю» документов, публикуемых с комментариями в еще не описанных разделах второго тома.

Все документы, помещенные в разделах второго тома, объединены одной общей темой. Эта тема – российские, советские государство и общество в тамбовском зеркале в их движении через войну в своих составляющих, взаимосвязях и взаимовлияниях.

Исходя из извечной ведущей, «родительской» роли государства в названном российском тандеме, мы открываем второй том разделом из документов о тогдашней системе власти и идеологии. А в этой системе, как известно, «кадры решали все». Предисловие к первому тому завершается краткой и заслуженной похвалой в адрес первых партийно-советских лиц области в 1941-1945 гг. Но эти достойные руководители были только верхушкой местной многосторонней и многоуровневой пирамиды власти, на этажах которой трудились, перемещались, сталкивались многие тысячи людей. И одной только признательной похвалой всех представителей власти не охарактеризовать. Их менявшаяся совокупность и деятельность были и сложными, и драматичными.

Рассматривая сочетание количества и качества областных партийно-советских кадров от верхушки пирамиды власти к ее основанию, нельзя не видеть значительного ухудшения этого качества в частях деловых, организаторских способностей руководителей, уровня их образования и личных моральных качеств. Если областное руководство в целом соответствовало объему и сложности решавшихся задач, то проблема недостаточного качества кадров заявляла о себе уже на следующем уровне руководства городов. Гораздо хуже кадры власти выглядели в сельском районном звене, и много было проблем на уровне председателей колхозов и сельсоветов.

Некоторые современные аналитики (даже из числа профессиональных историков) склонны считать коммунистическую идею главной причиной общего недостаточного морально-делового качества региональных кадров партийно-советской власти. Коммунизм как идея, основой которой остается общечеловеческое стремление к созданию справедливого процветающего общества с равенством всех его членов, здесь совершенно не при чем. Кадровые проблемы советской власти проистекали из других и конкретно-исторических социокультурных и политических источников. С одной стороны, всего за 20 с небольшим лет до Великой Отечественной войны

большевики (бывшие сами типичными «детьми» России) взяли власть в стране с громадным преобладанием полупатриархального крестьянства и маргинального полугородского населения с их сочетаниями моральных и культурных свойств. Данный социокультурный котел при дополнительных ухудшающих условиях «классовой» большевистской социальной политики, утраты Россией в 1917-1922 гг. значительной части своего и до того тонкого культурного слоя и был единственным кадровым резервуаром. Ценнейшими помощниками в уяснении читателем принципов поставки советских кадров из этого котла служат около полутора тысяч биографических справок в комментариях к публикуемым документам. Те же справки говорят о низких деловых и морально-политических качествах части руководителей во всех звеньях системы власти. Этот актуальный донныне фактор заключается в использовании членства в правящей партии, предложения своей активной лояльности для реализации личных властных амбиций, достижения личного материального благополучия. Война же с ее небывалыми материальными, бытовыми лишениями, а, главное, с высокой вероятностью смерти на фронте, с одной стороны, показала примеры высочайшего патриотизма, самопожертвования, истинной любви к Родине, с другой, усилила стремления части партийно-советских активистов укрыться за спасительной и кормившей номенклатурной броней. Изучая публикуемые документы и примечания к ним, читатель заметит разницу между степенями участия в войне и военными судьбами «рядовых» сельчан и горожан и «записных» агитаторов и организаторов добровольчества, государственно-патриотических починов и т.п.

Сильнейшим фактором ухудшения качества партийно-советских кадров в направлении их плебеизации и известной деморализации стали предвоенные политические репрессии, пустившие «под нож» тысячи уже «своих», советских кадров высшего и среднего звеньев. Беззаконные, вопиюще несправедливые репрессии имели и отрицательный морально-психологический эффект подавления страхом полезных, здравых инициатив у оставшихся в кадровом строю. А правила жизни в неизбежно бюрократической системе власти и без того приучали к тому, что «всякая инициатива наказуема». (В этом отношении показателен пример партийного руководителя области в 1939-1942 гг. Н.А. Логинова, перемещенного из области и фактически пониженного в должности как раз за ненужную высшей власти самостоятельность и человеческую инициативность).

В последние 20 лет историками и «любителями» было много сказано об отрицательном, губительном воздействии массовых политических репрессий на всесоюзном уровне, и особенно, в рядах высшего военного руководства. Но и на «тамбовском уровне» довоенные политические репрессии по их охвату, смертному урону и разрушительному моральному воздействию вызывали и, пока сохранится память, будут вызывать душевные содрогания. От Гражданской войны с ее «антоновщиной» и до 22 июня 1941 г. Тамбовщина потеряла в политических репрессиях десятки тысяч людей. Социальные центры тяжести репрессий и степени их жестокости менялись –

крестьяне в Гражданскую войну, священники, «старые спецы» и другие «бывшие» в годы НЭПа, снова крестьяне в пору «великого перелома». Но репрессии 1937-1940 гг. – «а завтра была война» – заслуживают напоминания в связи с содержанием документов данного второго тома, хотя и остаются за его начальной хронологической гранью.

Репрессии же 1937-1940 гг. в любом случае и тем более при условии грядущей отечественной войны имели огромный, всеобщий и исключительно подрывной эффект. И дело не только и не столько в их многократно выросшем объеме, когда они коснулись едва ли не каждой семьи. С одной стороны, эти репрессии не столько ломали судьбы людей, сколько «просто» убивали их – 40 % приговоров были «расстрельными», а еще такая же доля репрессированных практически обрекалась на смерть в лагерях. Но главное – репрессии 1937-1940 гг. в значительной мере выбили *молодые и уже советские кадры* в управлении, промышленности, сельском хозяйстве, культуре. Накануне войны в Тамбовской области в репрессиях были погублены тысячи квалифицированных промышленных рабочих, сотни инженеров и техников, железнодорожников, финансово-учетных и сельских специалистов, учителей, партийно-советских и хозяйственных руководителей во всех звеньях. Надо ли спрашивать, каково было нашим людям собирать силы на отпор внешнему врагу с первых самых страшных дней и месяцев войны, зная, что еще вчера по доносам «стукачей», по «сшитым чекистами» делам почти 50 % кадров всех крупных заводов, важнейших железнодорожных узлов, военных училищ, высших и средних учебных заведений, райкомов и райисполкомов, горкомов и горисполкомов были объявлены врагами народа? И эти преступления не остановились 22 июня 1941 г.

Знание, ощущение этих важных сторон, факторов предвоенной и военной психологии нашего народа позволяет еще сильнее прочувствовать величие нашего народа и народного подвига в Великой Отечественной войне, в деле спасения не только нации, Родины, но и вместе с ними и государства, не слишком справедливо и ласково обходившегося со своими спасителями.

Надо признать, что система власти и в годы войны активно боролась за жизненно необходимое улучшение качества собственных кадров. Боролась обучением, внушениями, наказаниями. Заметного улучшения человеческого наполнения власти в годы войны быть не могло – слишком велики были предвоенные и военные потери и лишения. Но власть не допустила и деградации собственных кадров, очень возможной в разрушительных военных обстоятельствах. Общий уровень кадров управления остался в войну выше среднего общего уровня управляемых. При всех трудностях и огрехах в работе местная власть на всех уровнях в целом справилась с немалым числом сложнейших и сцепленных задач, решавшихся в условиях тяжелейшей войны. В сочетании с ускоренным движением государства к предельной унификации и централизации управления, с максимальным развитием его мобилизационной составляющей военное количество и

качество кадров оказалось необходимо достаточным для сложения в один из главных факторов перелома и победы в войне.

Большая война как фактор, потрясающий и разрушающий общество, неизбежно прибавила работы правоохранительным органам: суду, прокуратуре, органам милиции и государственной безопасности. На первые места выдвинулась борьба с теперь уже настоящими вражескими диверсантами и шпионами, подготовка собственных диверсантов и разведчиков для работы во вражеском тылу, охрана государственных промышленных, транспортных объектов и секретов, розыск, поимка и наказание дезертиров, членовредителей, лиц, распространявших панические, антисоветские слухи и настроения. Во второй половине войны выросло значение таких секторов чекистской деятельности, как работа с пополнявшимся «контингентом» военнопленных, а также работа с православной церковью, с ее клиром и верующими, контроль и организация их активности в изменившихся социальных и политических обстоятельствах.

Результаты усилий работников госбезопасности на названных направлениях были «хорошими и разными». Одну из наибольших удач и предметов последующей гордости принесла тамбовским чекистам борьба с вражескими диверсантами и разведчиками. Опасность подрывных действий противника резко выросла с лета 1942 г. по весну 1943 г., с началом немецкого наступления на юге и с развитием Сталинградской битвы. Тогда Тамбовская область, как советский ближний тыл, испытала достаточно массовую и методичную заброску диверсантов и разведчиков, подготовленных в основном из числа советских военнопленных в германских разведшколах. Немецкий расчет на дезорганизацию советского тыла путем диверсий и создания антисоветских групп рухнул в каждой своей части. Ни архивные документы, ни человеческая память не знают ни одного случая действительной диверсии на производстве, на транспорте, ни, тем более, факта создания в области антисоветских групп. Но заслуга за полный срыв этой важной линии усилий противника принадлежит не одним чекистам, которые работали в этой части достаточно умело, решаясь ради выявления очередных вражеских агентов на перевербовку отдельных предателей и даже на радиоигру с противником. Отечественный характер войны, всеобщее и яростное неприятие народом зверски безжалостного противника, патриотическая традиция и многие важные особенности структуры и психологии российского, в большинстве уже советского, общества не оставляли диверсантам из бывших «своих» ни внешних, ни внутренних шансов.

Другой частью оборонных усилий органов государственной безопасности стала подготовка «своих» диверсантов и разведчиков во многих соответствующих школах, открытых с 1941 г. в Тамбовской области. Задачи диверсантов и разведчиков в любой армии одинаковы – сбор и передача военной и политической информации, диверсии, террор, создание подрывных организаций в тылу противника. «Техническое» отличие между немецкой и советской подготовками таких бойцов заключалось в их сроках,

материально-технической обеспеченности и в итоговом качестве. Грабя оккупированные территории, не зная долгое время крупных поражений, выбирая кандидатов из миллионов пленных и сотен тысяч сознательных предателей, враг мог позволить себе довольно тщательную и обеспеченную подготовку диверсантов и разведчиков в течение 6-9 месяцев. Наше военное и политическое руководство в 1941-1942 гг. не располагало ни таким временем, ни такими средствами. Огромные боевые потери и другие нехватки заставляли идти по пути массовой и спешной (чаще всего, несколько дней) подготовки этой части партизан из совсем невоенной молодежи, часто девушек. Быстрое обучение обращению с оружием, картой, рацией, парашютом, способам сбора информации, простая легенда и – заброска в тыл противника. Потери качества подготовки для борьбы с очень мощным врагом оборачивались огромной долей быстрых потерь среди наших партизан. Но и успехи, и подвиги были велики, и их залогом были величайший патриотизм огромного большинства советской молодежи и талант, раскрывавшиеся боевые способности наших «комсомольцев-добровольцев». Поэтому у нас есть Зоя Космодемьянская, Тамара Дерунец, Василий Шутов, Николай Фролов и многие другие тамбовские герои-партизаны, о которых рассказывают документы данного сборника.

Большую угрозу оборонным усилиям страны в небывало страшной войне несло в себе возможное развитие различных форм уклонения от фронта, от армии – прежде всего, дезертирства, членовредительства и симуляции болезней. Однако характер войны и исторические особенности формирования и воспитания государством советского общества обеспечили весьма малую долю (менее 2 %) «злостных» дезертиров и «самострелов» в тамбовском (и не только) военном призыве. С поворотом войны к победе, с призывом в армию уже советской молодежи 1924-1927 гг. рождения, уклонение от фронта среди тамбовчан сходит на нет.

Кратких пояснений требует и подраздел о работе власти с военнопленными. Дело в том, что в «гласные» 1990-е гг. в российских представлениях по этой прежде малознакомой нам теме возобладали впечатления бывших военнопленных – итальянцев, французов-петэновцев, люксембуржцев, австрийских и германских немцев, венгров и т.д. Страдания в русском, советском плену оценивались ими в сравнении с качеством их жизни до плена и с их чувством непричастности к военным действиям и злодеяниям врага на советской территории. В итоге мы начали чуть ли не извиняться перед европейцами за тяжелые условия их жизни в нашем плену. Ради историзма и исторической справедливости следует напомнить, что, во-первых, несмотря на, наверное, достойные человеческие качества многих, хоть и большинства военнопленных, они были взяты в плен на поле боя, как солдаты армии противника, уничтожавшего нас как народ. Во-вторых, питанием, медицинской помощью вражеские военнопленные обеспечивались зачастую лучше, чем «родные» колхозники, рабочие и даже дети. В-третьих, размещались военнопленные в лагерях, построенных НКВД в качестве учебных до войны, еще вчера являющихся местами формирования

соединений РККА и фильтрации красноармейцев-окруженцев, «не злостных» дезертиров и т.п. Наконец, напомним и о смертной разнице плена у нас и плена у фашистов, о различном отношении нашего и германского общества к военнопленным в своих странах. Советских военнопленных и гражданских узников концлагерей немцы практически не считали за людей. Итог – гибель почти всех из них (кроме коллаборационистов и бежавших) в первые же месяцы плена. К вражеским военнопленным в нашей стране при всех эксцессах и подозрениях, неизбежных в такой войне, относились с вековой российской, русской и незаслуженной плененным врагом отходчивостью и щадящей внешнеполитической целесообразностью, что и отражено в публикуемых документах.

В круг забот власти военного времени вошли и новые обстоятельства общения государства с православной церковью и православными верующими. Фактом, к началу войны, было то, что внутрицерковная борьба за власть, влияние и выживание, соединившаяся с 1922 г. с планомерной работой органов госбезопасности по формированию лояльного большевикам клира, привела к власти в РПЦ коллаборационистов из числа «обновленцев», «живцов». Усилиями «чекистов в рясах» и без оных ряды руководящего православного священства в большинстве своем (кроме уникального случая со Сталинским лауреатом В.Ф. Войно-Ясенецким) пополнялись из среды «обновленцев», теснейше сотрудничавших с органами госбезопасности. Ответ на вопрос о причинах начала во второй половине 1943 г. новых взаимоотношений государства с РПЦ, наверное, следует искать в поле поисков властью дополнительных средств социального контроля, мобилизации на нужды государства новых сил и средств, внешнеполитического выигрыша и легализации традиционной психотерапии истерзанному взрослому населению – женскому в громадной своей части. Ни о каком влиянии дозволенной РПЦ, другой идеологии, кроме коммунистической, на армию, на молодежь не могло быть и речи. РПЦ не могла не принять новые условия этой игры, нового этапа «брака по расчету» между властью и православным клиром.

Непростую источниковедческую и конкретно-историческую картину являют нам документы по, казалось бы, простой и понятной агитационно-пропагандистской работе власти с населением области. Роль умелого, качественного агитпропа, хорошей воспитательно-идеологической работы была тогда очень велика. Война стала ключевым этапом советской эпохи в отработке, отладке эффективнейшей пропагандистской машины, строившейся большевиками с революционной поры. К началу войны эта машина подошла с учетом ошибок и недооценки дооктябрьскими властями данной части социально-государственного мобилизационного ресурса. Диктуемая одними словами, через одни рупоры, из единого центра агитационно-пропагандистская, партийно-воспитательная политика верховной советской власти в годы войны оказалась очень гибкой, точной в выборе и смене лозунгов, разносторонней, доходчивой и целевой в обращении к разным социальным аудиториям. Надо учесть, что

несомненному и значительному успеху власти в воспитании такого мощнейшего фактора победы как массовый государственный советский патриотизм помогали не только многовековой этатизм народа, неприятие им любого чужака, но и сами фашисты с их действительно людоедской идеологией и звериной, «теоретически» подкрепленной жестокостью по отношению к советским людям.

Вместе с тем успех идеологической, пропагандистской работы на местном – в данном случае, тамбовском – уровне имел и свои ограничения, «узкие места». Их причины коренились в часто недостаточной квалификации кадров нашего агитпропа, в материально-технических и культурных нехватках, а также в справедливо далеко не полном доверии многих людей к слову и делу власти, выработанному в общении с ней за предвоенные четверть века. Но в любом случае у вражеской пропаганды на тамбовской земле не было ни единого шанса, а для государственно-патриотической советской пропаганды отечественный характер войны обеспечил все условия выдающегося успеха.

Читатель должен понимать и источниковедческие особенности формирования корпуса документов агитационно-пропагандистского блока. Перед нами по преимуществу отчетные документы из бывшего областного партархива, составленные по установкам того времени сотрудниками партийных органов. Слова этих документов нередко расходились с действительным положением дел в тамбовском агитпропе. Поэтому критически стоит относиться к отчетным цифрам о проведенных мероприятиях и о числе охваченных ими людей. Также со знанием действительной истории войны следует подходить и к словам из отчетов о духе, содержании и неизменном успехе многих идеологических мобилизационных кампаний. Хорошей проверкой исторической подлинности информации, содержащейся в партийных документах по агитпропу, служат источники другого рода – дневники и воспоминания множества разных людей тех лет, малая часть которых публикуется в данном томе. В них мы найдем совсем другие оценки и акценты по части идейно-воспитательной работы власти, ее действительной доле в оборонных усилиях и жизни военных лет, что поможет сформировать верный, широкий и сбалансированный взгляд на эту важную сторону социальной истории войны.

Одной из до сих пор односторонне подаваемой, не вполне раскрытой страницей войны, связанной с успешной социально-мобилизационной работой власти, является история десятков починов по сбору средств на нужды фронта. Один из них прославил Тамбовскую область на всю страну. В организации государством починов, в их «подаче» и отклике на них большинства населения при всех особенностях сбора средств, в их огромном мобилизующем, воспитывающем духовном эффекте на самом тяжком этапе войны проявилось подлинное единство фронта и тыла как результат встречных усилий власти и общества. За счет починов по сбору средств, военных займов, налогов, повинностей государство успешно решало не только морально-воспитательные задачи. Оно и облегчало себе чисто

финансово-экономические проблемы обращения, инфляции, товарного дефицита, материально-вещевого довольствия войск путем предельного понижения уровней личного и общественного потребления и развития той важнейшей части внеэкономического принуждения, которая зовется массовым энтузиазмом трудящихся.

У документов, раскрывающих жизнь области в период войны в частях социального обеспечения различных категорий населения, работы «гражданского» здравоохранения, школы и других отраслей культуры, есть свой общий информационный знаменатель. Названные важнейшие сферы общественного благополучия оказались наиболее поврежденными войной, а у областной власти, да и у самого общества не хватило на них ни сил, ни средств. Хуже всего дела обстояли в селе – там и собес, и здравоохранение, и школа находились в течение всей войны на грани коллапса. Село и в этих сферах существования было фактически предоставлено самому себе и выживало «на подножном корму». В городах, более защищенных обстоятельствами войны и властью, общее качество жизни общества было заметно лучшим, хотя и далеко не блестящим, а порой и столь же трагическим, как и в селе.

Но коллапса важнейших социальных институтов в нашей области все же не произошло. Главная причина – самоотверженность, человечность и профессионализм многих людей, работавших в тех же здравоохранении и образовании, среди помогавших солдатским семьям, детям-сиротам, инвалидам войны, эвакуированным и беженцам. Дополнительный фактор – небольшая, но все-таки подраставшая помощь государства многим своим труженикам и защитникам.

На некоторых направлениях социальной работы тамбовским властям и обществу удалось не только не упасть, но и одержать жизненно важные победы «местного значения». Так, тамбовские медработники не дали в войну развиться в области ни одной и совсем недавно обычной эпидемии и заметно снизили смертность от многих заболеваний. Усилия медиков и природная защита кратно, до небывалого в истории минимума сократили младенческую и материнскую смертность уже к первому послевоенному году. Настоящим подвигом людей тамбовского тыла стало сохранение жизни и здоровья десяткам тысяч детей-детдомовцев, эвакуированных в нашу область в 1941-1942 гг. Терпения и самоотречения требовала и работа школьных учителей, которые не только не дали школе замереть на время войны, но и удержали в тяжелейших кадровых и материально-бытовых условиях неплохое качество обучения и даже проводили некоторые школьные структурные реформы.

Жизнь других сфер культуры (наука, художественное творчество) в Тамбовской области в годы войны имела свои, но тоже не совсем радужные оттенки. Дело в том, что не только в советские довоенные годы, но и до революции «высокие» наука и искусства, требующие «штучных» талантов, не слишком были развиты в нашем крае, а тончайший слой европейской культуры высших образцов, в отличие от центров российской модернизации, даже не был сплошным. Война и вовсе раскрошила, смыла многие островки

«высокой» тамбовской культуры. Потому о развитии науки (кроме прикладных военно-промышленных разработок) в области в годы войны нашим документам не приходится говорить.

Тамбовские профессиональные и самодеятельные артисты, художники, литераторы, музыканты, а также общесоюзные кинопрокат, библиотеки, радио и печать активно и очень успешно работали в годы войны в культурно-массовом государственно-патриотическом «жанре». Но именно это мощное дополнительное мобилизующее и воспитательное массовое воздействие и требовалось во время войны от советской культуры.

Документы, публикуемые в четвертом разделе «Быт и настроения различных слоев и групп общества» не требуют отдельных предварений по их содержанию и силе эмоционального воздействия «живых» человеческих свидетельств. Дадим только необходимые пояснения по происхождению документов и принципам формирования этого раздела.

В составлении этого раздела мы не могли ограничиться только архивными документами, рожденными в недрах местной власти, и привлекли десятки документов личного происхождения (письма, дневники, записные книжки, записи воспоминаний, тыловой фольклор). По замыслу составителей документы этого раздела должны дать достаточно полное представление о военном тыловом быте и психологии людей разного возраста и пола, разного социального происхождения, уровня образования и рода занятий в годы войны с максимально полной географией источников. Из воспоминаний нескольких тысяч людей, записанных разными способами и в разные годы, были отобраны, учитывая ограничения объема издания, наиболее информативные и достоверные. Те же рамки объема тома заставили нас опубликовать лишь «военную часть» воспоминаний и дневников, хотя мышление и память людей историчны, обеспечивая в мемуарах единую, движущуюся картину человеческих судеб, семейных историй от 1920-х гг., через испытания «великим переломом», 1930-ми гг., через горнило войны к устройству послевоенной жизни. Война, конечно, занимает в этих записях основное место, но все же, будем надеяться, что ценнейшие свидетельства «рядовых» людей о 1920-1940-х гг. получат вскоре отдельное, несокращенное издание. Все материалы этого раздела, как и практически все остальные документы сборника, публикуются впервые.

Документы всех разделов в обоих томах нашего сборника позволяют в максимально возможной полноте представить движение Тамбовщины в годы войны, динамику организации и результатов ее оборонных усилий. Это движение не было гладким восхождением к Победе от потрясения 22 июня 1941 г. до общего отчаянного счастья 9 мая 1945 г. В неровном движении сплетавшихся линий, русел войны была для нашей области, для всей страны, и его нижняя точка осени 1942 г. Наши документы дают ощущение и знание того, что советская и просто жизнь повисла в тот момент на волоске. Уже состоялось большинство мобилизационных людских изъятий, уже погибли большинство из всех не вернувшихся с фронта, наибольшие трудности испытывала промышленность края, почти рухнули сельское хозяйство,

обеспечение населения, школьное дело, людей опаляло страшное дыхание близкого фронта, рождая в их душах разные настроения... И именно тогда, в конце 1942 г. армия из того же народа сломала врага под Сталинградом, а вскоре – под Курском и дальше победным раскатом до Берлина! Почему? Какие факторы сплелись в Тамбовской области, в остальной воевавшей стране в мощную связку Победы? Публикуемые документы отвечают на этот вопрос в короткой формулировке. Истоки перелома в войне и победы – в мобилизации тогдашним государством огромных природных и людских ресурсов, помноженных на героизм, самоотверженность, терпение, неприхотливость, смекалку и способность нашего народа учиться на ошибках. Все, что могла, отдала Тамбовщина Победе, наивысший героизм и самоотречение в бою и в труде проявили огромное большинство ее людей, а власть сумела организовать и направить усилия народа к единой цели.

И последнее в данном предисловии. Читатель любой степени исторической подготовки должен увидеть и понять, что та война отошла в прошлое не только пережитым страданием, незабываемым счастьем Победы, не всегда залеченными ранами и захватывающими по драматизму историями. Великая Отечественная стала одним из немногих формирующих этапов в тысячелетней истории нашей страны. Она качественно изменила все в нашей тогдашней и последующей жизни – экономику, политику и общество от структуры до образа мыслей и поведения. О том, как менялась страна в войну, прорастая в нас, нынешних, и рассказывают публикуемые документы.

*В.Л. Дьячков,
кандидат исторических наук,
доцент ТГУ им. Г.Р. Державина,
ответственный редактор сборника*